

Солопова О. А.
Челябинск, Россия

ВРАТА ГРЯДУЩЕГО: УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Abstract

This paper briefly recalls some of the cognitive functions of metaphors used to sense the future. The focus here is on issues in Russian. The future is obviously a feature of our understanding of time. Faced with the complexities and challenges of the times, much effort has gone into the development of models and scenarios through which to comprehend the future of our country and to guide the navigation of policy-makers. The author argues that particular metaphors for configuring understanding of the future have both specific advantages and disadvantages. The problem raised in the article is if it matters which metaphor is used to sense the future of Russia, because "future" itself may prove to be a metaphoric tra.

Будущее – это тот период времени, в отношении которого люди ничего не знают, но питают иллюзию, что все там могут сделать (Новалис).

Говорят, что будущее невозможно предсказать. Однако оно непредсказуемо лишь потому, что люди не умеют или не хотят предсказывать. На самом деле, мы живем, постоянно предвидя грядущее и делая прогнозы. Вероятное будущее возникает из прошлого, предсуществует в настоящем, закономерно следуя из него. По сути оно есть описание сегодняшнего времени в его прогнозном аспекте. Мы живем уже в грядущем, а значит, его можно усмотреть умственным взором.

Человеческое любопытство неодолимо, и никто не в праве запретить человеку знать будущее. Интерес к возможности познать будущее и подготовиться к его приходу, предотвратить, если удастся, какие-то негативные последствия, не угасал у человечества на протяжении тысячелетий. Не являются исключением и сильные мира сего. К ясновидящим в свое время обращались Черчилль, Неру, Гитлер, Сталин. С особой остротой этот интерес проявляется в сложные, переломные моменты истории. Так происходит и в наши дни.

Сегодня много говорят о будущем нашей страны: в XXI веке Россия стоит на рубеже, который во многом определит ее дальнейшую судьбу. Россия одновременно ищет свое место в быстро меняющемся мире и пытается определить идеологический фундамент внутривнутриполитической консолидации. Каждый переломный период приводит к глубокому анализу путей развития страны, в ходе которого предлагаются различные идеологические схемы и концепции, даются оценки исторического масштаба перемен, качественно изменивших облик страны за минувшие годы, стратегический вектор развития и курс движения России на ближайшие десять лет и последующую перспективу.

И тем не менее самым фундаментальным кризисом современности является кризис будущего. Людей, которые всерьез задумываются о будущем и заглядывают хотя бы на тридцать лет вперед, немного. Стратегией развития общества в современной официальной России по-

настоящему никто не занимается. В нашей стране по сей день не существует той концептуальной власти, которая является высшим уровнем управления общества. Предназначение этой власти заниматься сбором информации и делать многолетние прогнозы на будущее, но самое главное просчитывать оптимальные пути, по которым будет идти страна, воплощая в жизнь стратегические проекты общественного развития. «Проблема "дальней" перспективы всегда была больной не только для официально-советского миропонимания, но и для различных направлений протестных и постсоветских идеологием, для российского национального сознания в целом» [Левада 2001: 45]. Почему-то русский народ всегда предпочитает не рассчитывать будущее, а рассчитывать на будущее, надеясь на «авось», «небось» и «как-нибудь».

Диагностировать текущее состояние общества и предлагать конкретные рецепты развития общества в будущем – прямая обязанность политиков. Они постоянно находятся в этом процессе, т.к. прогнозирование будущего является особенностью не только нашего восприятия времени в целом, но и политического дискурса в частности: «будущее является одной из имплицитных категорий, которые определяют прогрессивную культуру, прогрессивную форму правления, дают начало всем прогрессивным политическим курсам» [Lakoff, [http](http://)].

В политическом дискурсе восприятие будущего аффективно по преимуществу, потому что вступает в сложную коллизию с целесообразной природой самого политического действия [Иваненко 2002]. Политическая коммуникация призвана эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую картину мира, мобилизовать избирателей для проведения конкретных акций [Чудинов 2003а: 58]. Одной из функций политической коммуникации является «проекция в будущее» [Graber 1981: 198], «фактор коммуникативного будущего», наличие которого отмечают Т. В. Шмелева, разрабатывающая «анкету речевого жанра» [1997: 92], Е. А. Артемова, рассматривающая жанр политической карикатуры [2002: 153-155], В. А. Даулетова, исследующая жанр политической автобиографии [2004: 79]. Исследователи коммуникативных стратегий политического дискурса неизменно включают в число тактик тактику «создание образа «светлого / темного будущего» (Муронова, 2003; Руженцева, 2004; Judge, 2001a), смысл которой – предсказать возможное будущее и показать, как в будущем отразится настоящее.

Результат любого политического действия (поскольку оно актуально и не завершено) с неизбежностью отсылает к будущему – к тому, чего еще нет. В этой перспективе видится любое настоящее событие. С одной стороны, политическое предвидение, будучи перформативным высказыванием, есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чем оно сообщает. «Оно практически вовлечено в создание реальности того, о чем оно возве-

щает, тем, что сообщает о нем, предвидит его и позволяет предвидеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести» [Бурдые 2003: 34]. С другой стороны, избыточность, нагромождение, всеохватность обещаний, на базе которых практически полностью строятся программные документы и предвыборные листовки, отвлекают внимание адресата от того факта, что политик может преувеличивать, искажать свои возможности, обещая избирателям «всевозможные блага, которые зависят только от прихода этого человека к власти» [Anderson [http](#)]. Перенесение способов решения проблем в будущее позволяет политику избежать фактологической аргументации, поэтому делается расчет в основном на эмоциональную сферу адресата.

Когнитивный процесс создания модели общественно-политической ситуации в будущем часто становится возможным благодаря использованию в политической коммуникации разнообразных метафорических моделей. Лингвистические исследования последних десятилетий за рубежом и в нашей стране показали, что метафора является не столько риторическим приемом, сколько особой познавательной моделью, с помощью которой мир и описывается, и прогнозируется, и *создается*. Политические деятели часто используют метафору, чтобы аргументировать свои представления о будущем, т.к. яркие, близкие, «цветные» репрезентации последствий вызывают более сильную реакцию и с большей вероятностью мотивируют поведение адресата, убеждая его в реальной возможности преобразований, исправления накопленных ошибок, в том, что «будущее может быть пересмотрено, переработано и исправлено современностью» [Sola Pool; цит. по: Judge 2001c]. Сопоставляя определенные реалии окружающего мира, метафора, устремленная в будущее, позволяет заглянуть за кулисы производства образов, которые формируются в сознании народа.

В политической коммуникации дифференцируются следующие функции метафорических наименований, задействованных в создании образа будущего: 1) Человек не имеет возможности физически ощутить измерения времени, поэтому он пользуется метафорой, чтобы понять, что ожидает его в будущем [Judge 2001b]. 2) Метафора позволяет представить что-то, еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта [Чудинов, 2003b: 49]. 3) Указывает, чего ожидать и как себя вести [Kelling [http](#)]. 4) Дает «возможность изменить социальный мир, меняя представление об этом мире, которое вовлечено в создание его реальности» [Бурдые 2003: 34]. 5) «Противопоставляет парадоксальное предвидение, утопию, проект, программу обыденному видению» [Бурдые 2003: 34]. 6) «Запугивает и успокаивает избирателей, заставляет их поддержать политика или замол-

чать» [Edelman 1988: 103-104]. 7) Выполняет двойственную функцию: она отстаивает и подвергает сомнению существующий порядок, поддерживает и перестраивает его [Kennedy 2000]. 8) «Позволяет политику произвольно обращаться с предоставляемой адресату информацией» [Миронова 2003: 58].

В век бурно развивающегося научно-технического прогресса мы, столкнувшись с его последствиями, а также великими житейскими трудностями, порожденными несовершенной системой нашего жизненного уклада, чувствуем себя незащищенными, а потому с недетским любопытством обращаем внимание на предсказания как древних пророков, так и политических прорицателей современности. Попыткам «угадать» мир в его динамичном развитии в грядущее посвящены статьи, доклады и тезисы ведущих политиков, журналистов и общественников современности: «Немцов и Хакамада предсказывают будущее» (РТР-Вест.Ру.), «Проекты на XXI век» (Завтра, 01.01.04), «Поддержим будущее» (СПС, 03.10.03), «СПС смотрит в будущее с оптимизмом» (СПС, 24.12.02), «Общество нашего будущего» (Завтра, 12.01.99), «Национализация будущего» (МСК, 20.11.06), «Схватка за будущее мира» (Завтра, 19.05.04), «У России есть будущее!» (Завтра, 19.06.01), «Угадать будущее» (Завтра, 25.01.00), «Будущее России» (И. Шафаревич, 2005) и др. Огромное количество политических интересов, мнений и случайностей, предположений, преднамерений и предпочтений, человеческих судеб и характеров, душевных и духовных качеств сплетаются в единый клубок настоящего, в котором решается будущее России. Но как по-разному понимают они судьбу и будущее России! Как по-разному видят место русского народа в этом будущем! Цель одних – помочь народу в ориентации в современном мире и определении перспектив развития страны. Цель других вполне практическая – манипуляция сознанием людей, некий политический «фотомонтаж», имеющий вполне определенные намерения, а именно – дискредитацию политических соперников, самовосхваление, завоевание или удержание власти.

В связи с этим целью настоящей работы является попытка рассмотреть вопросы, ответы на которые в какой-то мере определяют будущее России, экономическое, социальное и политическое благосостояние общества, поскольку грядущее часто определяется через метафорические вопросы, которые ставит перед настоящим.

Грядущее. ЧТО ожидать? Будущее, по сути, не может восприниматься нейтрально, т.к. в ином случае «оно стало бы неразличимым на фоне настоящего» [Иваненко 2002]. Экзистенциально человек относится к будущему с надеждой и пониманием. Интеллектуально он строит его, экстраполируя в будущее тенденции настоящего, выявляя вызовы будущего и возможные ответы на них. Поэтому будущее всегда не единственно. У него разные варианты. Вгляды-

ваясь в мутные очертания грядущего, человек и общество в целом практически всегда выбирает один из двух типичных сценариев: 1) качественная трансформация общества, появление принципиально новой системы, переход в принципиально новую фазу существования; 2) полная катастрофа и ликвидации старой системы.

Далекое будущее, страшное и пленительное, описывалось еще в основных мифологиях и религиозных учениях – это рай и ад, «Страшный суд», «Армагеддон», «последняя битва» и грядущее возрождение обновленного праведного мира: «Во свидетелей перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие» [Второзаконие, гл. 30: 19]. Народная мечта создавала сказочные образы краев, где текут кисельные реки в молочных берегах. Позже утописты – от Мора и Кампанеллы до Фурье, Сен-Симона и Оуэна – систематически описывали образ идеального общества, где все люди будут жить в счастье и достатке. В отечественной общественной мысли утопическая мысль получила мощное развитие еще в девятнадцатом веке, «золотом» для русской культуры. «Западники» и «славянофилы», революционеры-демократы и народники составляли свои проекты «русской мечты». Были страшные предвидения Ф. Достоевского о «бесах» и «трихинах», но все-таки в большинстве случаев надеялись на лучшее будущее в духе хрустально-алюминиевых дворцов из снов Веры Павловны.

И в современном политическом дискурсе будущее, как правило, выступает в двух ипостасях: ему даются условные метафорические определения «светлое / темное», «ужасное / прекрасное». Позитивный образ будущего по контрасту дополняется антиутопией, наступление которой необходимо предотвратить. Стереотипное преподнесение проблемы с полюсами «светлое / темное» предназначено для «коррекции представлений адресата, касающихся ситуации в политике и экономике страны» [Миронова 2003: 51–52].

Атрибуты будущего наиболее ярко обнаруживаются в текстах предвыборных программ [Миронова 2003: 106]: Таковы ближайшие веки нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках! (Единая Россия» (2003)); Человечество вступило в XXI столетие с тяжелым грузом прошлого и с большими надеждами на лучшее будущее. Вывести наше Отечество из всеобщей разрухи и кризиса, добиться его возрождения и расцвета – такую задачу ставит перед собой Либерально-демократическая партия России (ЛДПР (2003)); За это борется КПРФ – партия будущего! ... За будущее России! (КПРФ (2003)); В двадцать первом веке Россия должна стать великой державой, сила которой основывается на созидательном труде и свободном творчестве ее граждан (Демократической партии России (2003)).

Создается картина лучшего мира, контрастирующего с настоящим положением дел, а его потенциальная устроенность определяется за-

слугами автора. Как показывает анализ, предполагаемые мероприятия распределяются в рамках противопоставления «за – против» и адресату навязывается один возможный выбор: он должен согласиться с аргументами «за» «светлое / (реже) прекрасное будущее» («утопия») и «против» «ужасного будущего» («антиутопия»). Однако, окутывая будущее флером благоденствия, политические лидеры и их сторонники в своих программных документах не рискуют прописывать его зримые приметы.

Прогнозирование будущего напрямую зависит от метафор, используемых для описания «благополучного» и «неблагополучного» будущего [Judge 1992], от их способности пробуждать в человеке рациональное и иррациональное, а также эмоциональные ассоциации, связанные с ожиданием будущего. В темпоральных метафорах будущее часто предстает как грядущий золотой век по аналогии с золотым веком прошлого: оптимисты рисуют образ «прекрасного будущего», «сказочники» предсказывают «долгую и счастливую жизнь», создатели политических утопий разных стран и эпох используют атемпоральную, вечную метафору «времени мечты»: В оккупации, на развалинах государства, на пороге новых бед – восхвалять, лелеять, ковать, сновидеть, тянуться к картинам грядущего русского Рая. Предвидеть, перешагивая десятилетия скорби, унижения, смерти, – последний Парад после последней войны. Мы пройдем через предательство и жертву. Мы ощутим жар битвы и стоны одоления, слезы гордости и морской ветер счастья. Мы создадим мистику Русской цивилизации, напишем ее священные книги и ритуалы. Мы будем сражаться в великих битвах будущего, как живые бойцы или же как ожившие тени предков. И, одержав Победу, пронесем по Красной площади знамя торжества русского духа, одолевшего мир. В рай мы войдем сообща, единым русским народом (Завтра 07.09.99).

Образ будущего, видение далекой перспективы необходимы обществу не только для выработки стратегии развития. России как воздух необходимы большие проекты, нужна мечта, от которой дух захватывает, привлекательные цели, которые возбуждали бы энтузиазм, готовность к самопожертвованию: Россия существует только потому, и только тогда, когда есть проект, или хотя бы его контуры. Народ приносил себя в жертву имперскому строительству, пройдя за короткое время, с тяжеленными веригами на теле, огромный исторический этап, который другие проходили века или не проходили вовсе. Но оказалось, что именно в рывке может существовать русский народ (Завтра 15.09.04).

Без этого идеального «двигателя» невозможен качественный скачок в общественном развитии, никакая высшая продуктивность, по крайней мере, в нашей стране. В России никогда не были возможными эффективные изменения «сверху», именно поэтому русскому человеку необходима яркая, ясная, правдивая и реальная сверхзадача, пленительная мечта о земном рае, которая способна поднять народ на титанические свершения: Русский народ всегда

живет мечтой о Рае. Ему мало было в древние времена Киевской Руси иметь коня, крепкий дом и красавицу жену. Он обращался к своим языческим богам, прося удачи не только в ратном деле, не только в обильном урожае, но и в построении славянского братства, в воплощении счастья человеческого... Он мечтал о своем языческом Рае... Весь языческий мир – это мечта о взлете, о победе Добра... С тех времен живет в русских людях легенда о Беловодье, о сказочной земле, где царят справедливость и совесть... (Завтра, 07.01.98).

С другой стороны, политическому дискурсу по природе свойственно апокалипсическое настроение. Поэтому будущее неизбежно «оценивается не только с позиций ожидаемых благ (атрибуты Небесного Иерусалима), но и с позиций возможного вреда» [Иваненко 2002]: Прогнозы на 1998 год все как один являются крайне тревожными. Эта дата – 1998 – будит множество эсхатологических предчувствий. Само число 1998 – это 666 умножить 3, и на этом основании оно вполне может считаться одной из производных апокалипсического числа Зверя (Лимонка №82); Ад открылся нам и в чеченской войне, и при взрывах домов в Москве и Вологодске, при штурме театра на Дубровке и школы в Беслане. Сейчас черная пропасть ада открылась за антигрузинской истерией и убийством Анны Политковской. И это еще далеко не дно пропасти, в которую сползает страна (Грани.ги, 2006).

Используя метафоры для создания образа «ужасного будущего», политики часто апеллируют к чувству страха, ориентируют аудиторию на будущие беды, что нацелено на дискредитацию политических противников. Будущее «представляется в преувеличивающем негативные последствия, предельно заостренном виде, а категорическая форма высказывания не допускает иного варианта развития событий» [Руженцева 2004: 137]. В метафорическом представлении будущего могут звучать фаталистические нотки конца света и Страшного суда, лейтмотив которых – «что посеешь, то и пожнешь». В образах «ужасного будущего» реализуется такая интенция, как «запугивание негативными последствиями» [Руженцева 2004: 133]: Не будет больше Родины, не останется рода-племени, семьи, поэзии, музыки, любви, а будет только вечный рынок с его утробной крысиной сутью.... Будущее смутно, прошлое заляпано сплошь черной краской – куда ж нам плыть? Делать вид, что мы по-прежнему заняты осмыслением вечных истин, ... – и это в то время, когда несчастный, обманутый, приведенный в первобытное состояние народ корчится в предсмертных муках, немо, безгласно умоляя о пощаде неведомого палача? (Завтра, 07.12.99).

Нарисованная картина фантазмагорична, но не лишена реальных корней. Осмысляя ситуацию в стране как неприятную и даже опасную, СМИ предупреждают о возможности еще более серьезного развития событий: Что же дальше? Неужели вирус-победитель будет истреблен новым, еще более едким и активным? Вирус «Путин» – вирусом «Патрушев»? Или все-таки полуоглохшие, с помутненным сознанием люди услышат от власти простые, внятные слова: «Так жить нельзя. ... Иначе эпидемиолога сменит патологоанатом

(Завтра, 11.11.03).

Рисуя образ «ужасного будущего», автор апеллирует к чувству страха, инстинкту самосохранения и здравомыслию читателя. В представлении «ужасного будущего» звучат апокалипсические нотки конца пути, а вместе с ним – жизни общественно-политического строя и страны в целом.

Переплетение светлых и черных сторон грядущего сопровождается образом будущего в целом. Он не является ни черным, ни розовым. С одной стороны, в попытке опередить историю, увидев в ней позитивные преобразования политической и экономической составляющей жизни общества, видна романтическая утопия. С другой стороны, в современной России большинство политических лидеров используют протестное сознание основной массы населения в собственных интересах, а именно – для достижения власти. Использование метафор, наполненных отрицательной символикой, очевидно, связано с желанием уменьшить степень влияния политического соперника или унижить его, сформировать негативное отношение к событиям и явлениям социальной и политической жизни страны, что продуцирует образ «ужасного будущего».

Грядущее. КАКИМ оно будет? Чтобы правильно понять перспективы развития России в XXI веке, следует оценить его возможные варианты. Большинство политиков и журналистов, обращающихся к проблемам будущего, обеспокоено не тем, каким оно будет, а тем, как понять и сделать единственный верный выбор в пользу одного из альтернативных вариантов развития событий.

В последние годы на отечественном политическом рынке идей между собой жестко конкурируют две концепции: Видимо, Россия может пойти по одному из двух путей: либо еще усилить свою подчиненность Западу и в результате погибнуть под его обломками, либо найти свой собственный путь развития, постепенно дистанцируясь от Запада, и тогда пережить его падение (И. Шафаревич. // http).

Одна – либеральная, по которой будущее России – это реформирование и ускоренное встраивание в западную модель, в западную цивилизацию: Глубоко убежден: единая Большая Европа от Атлантики до Урала, а фактически до Тихого океана, существование которой основано на общепризнанных демократических принципах, – это уникальный шанс для всех народов континента, в том числе и для российского народа. ... При этом мы считаем, что усилия России по развитию интеграционных связей как со странами ЕС, так и государствами СНГ являются единым органичным процессом, который должен привести к существенному расширению общих гармоничных пространств безопасности, демократии, делового сотрудничества в гигантском регионе (Фигаро, 07.05.05); В России будут открыты границы, Россия будет в стратегическом и тактическом союзе с демократическими странами Запада. Вместе с ними она будет противостоять угрозам фундаментализма и той агрессии, которая возможна в адрес демократических стран сегодня («1 канал», 02.11.05); Со-

временное правительство России исповедует свое рождение «цивилизационный романтизм». Оно постоянно добивается знаков признания и уважения от Запада. (ИноСМИ, 27.11.06).

Современные дискуссии о модели российской демократии, с одной стороны, подтверждают неизменность демократического выбора России. С другой стороны предлагаемая на общественный суд «суверенная демократия» несет по своей сути хороший заряд западничества, предполагая воплощение в жизнь западных демократических традиций.

Другая концепция говорит об особом пути и миссии России, о русской цивилизации как особом цивилизационном проекте. Ее приверженцы говорят о том, что «российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской» [Ядов 1996]: Развал экономики России и вопиющая неэффективность пореформенной экономики связаны как раз с тем, что проводники этой полтики из всех сил пытались проводить в жизнь именно те рецепты, которые советуют западные эксперты. Факт остается фактом – эти рецепты и формы отторгаются Россией как кровь чужой группы, порождают химерический симбиоз («Мост», нояб. 1999); ... Образец прогнил до основания, трухляв как пеня. И идти по его стопам – самоубийство (Завтра, 20.07.05); И выясняется, что пресловутый «колбасный рай» по части духовного разложения далеко опережает всех нас, и «золотой миллиард» в перспективе растит поколение самоубийц. ... Западный мир, лишенный смысла и воли, уже стоит на грани полного и окончательного падения ... (Журнал социологии и социальной антропологии, 06.12.06); Идею «особого пути» не просто «спускают сверху», чтобы усилить почвеннический изоляционизм, герметично закрыть «резервацию». (Независимая газета, 12.01.07); Так строить ли нам «нормальный современный дом» на суровом российском ландшафте или строить свой дом, по своим чертежам и технологиям, какие мы изобретем сами? И окажется ли он удобным, дарящим силы и домашнее тепло очагом, а не склепом некогда великой цивилизации... (Среда, нояб. 2006).

Авторы подобных высказываний настаивают на том, что Россия – уникальная, общинная, евразийская цивилизация, у которой законы ее развития детерминированы евразийским местоположением. Мы – это «другая Европа» [Федотова 1997]. Симбиоз Востока и Запада красной нитью проходит через всю ее историю: Народ тяготеет к натуральному развитию медленным шагом времени, что органично для русского медведя (кому еще и в спячку надо погрузиться долгою зимою) или даже мамонта – таким животным телам могут быть народ и страна русская уподоблены. ... Но соседство с Западом и влеченность в историю Европы подстегивали, и к страданию для народа и жизни индивида – капилляра в нем мера, скажем, волка («аршин общий») навязывалась нашему мамонту-медведю – как нормальный пульс, и вытаскивали его на ярмарку-рынок плясать чужемерно и неуклюже, на посмешище. А если не поспевал, подгоняли его кнутом и насилем: слово «ускорение» у государства на устах (Завтра, 15.10.03).

Указывая на обращение с народом с позиции силы и власти, метафоры способствуют

внедрению в сознание реципиентов ощущения опасности и угрозы, исходящей от метафорически характеризуемых представителей прошлого и настоящего. Помимо этого, в политическом дискурсе подобные метафорические образы очень часто подчеркивают идею о насильственной ломке сложившегося в течение тысячелетий образа жизни и смены социокультурной парадигмы поведения русского человека. В последние десятилетия дрессировщики, заставляющие русского медведя выделывать различные па, активно реанимируют давнишнюю теорию о том, что Россия – «неправильная» цивилизация, развитие которой следует существенно скорректировать по западному образцу, в противном случае она обречена на гибель. Эти «новые» идеи, по мнению авторов агитационно-политических текстов, вызывают страшный разрушительный эффект морально-психологической растерянности и полной ценностной дезориентации народа, именно поэтому Российское общество сегодня – это общество, утратившее идейные, социальные, нравственные ориентиры, невидящее сколько-нибудь эффективных путей выхода из социального тупика.

Из сущности этих двух концепций и выводятся сценарии развития на ближайшее будущее. Каждый политик, журналист и обществовед осознает, что Российское общество остро нуждается в общенациональной солидаризирующей идеологии. Но она не может быть придумана и внедрена «сверху»: такая идеология «произрастает» сама по себе из доминирующих общественных настроений, из массовой психологии [Плеханов 1958: 89]. На настоящий момент власть так и не выработала того национального проекта, который направит жизнь страны в осмысленное грядущее, чем так силен был разрушенный СССР, поражает воображение Китай, доминируют США: У государства нет «Идеи Развития». Нет «фронта работ». Нет «Большого проекта», который оживит ржавую машину убитой цивилизации. Подымет из пучины затонувшую лодку «Россия», дав ее экипажу – многострадальному российскому народу – глоток воздуха, желанное избавление, полноценную земную жизнь. (Завтра, 09.08.06); Сегодняшнее величие небесспорно, завтрашнее – неочевидно. ... Кажется, газированная экономика тонизирует и освежает. Но если и когда она выдохнется, мы увидим, чего стоят ее производные – шипучие амбиции, изристая риторика и дутое благополучие (МСК, 20.11.06); Россия существует только потому, и только тогда, когда есть проект, или хотя бы его контуры. Народ приносил себя в жертву имперскому строительству, пройдя за короткое время, с тяжеленными веригами на теле, огромный исторический этап, который другие проходили века или не проходили вовсе. Но оказалось, что именно в рывке может существовать русский народ (Завтра, 15.09.04).

Именно поэтому сегодня выдвигаются сотни вариантов национальных идей, но все эти попытки в основном связаны с амбициями и упрочением чьих-то собственных позиций, незави-

симо от того, актуальны эти идеи или нет: Учитывая нынешнюю ситуацию, «новый монархизм» будет продолжением ситуации консенсуса между либеральными и авторитарными тенденциями (pravaya.ru, 14.03.05); Государство – это проект. Без мобилизационного проекта, без государственного строительства русское тело дряхлеет. Только новое мобилизационное государство способно пробудить творческие созидательные энергии в народе, вывести его из состояния апатии, депрессии и уныния. Нам нужна цель, сверхзадача, нужна утопия (Завтра, 15.09.04). Наш проект – проект почвеннический, но в России почвенничество особое – почвенничество в России всегда связано с Космосом. ... предназначение русских – заселить космос, воскресить мертвых и вдохнуть искру божественного огня в мертвую Вселенную. Русские – это коллективный Бог, ждущий реализации. Русские – это наша религия и кровь, и почва, а все остальное – ложь, мошенничество и подлость (Завтра, 26.10.05); Дружба, а не унификация народов должны лечь в основу процесса глобализации, не злое мутации духа, вроде мутации после радиоактивного поражения, составляют будущее цивилизации, а разумный и осторожный путь вперед. Не маргинальная оторванность от корней, а способность вместить в сердце всю планету, не позабыв о родной калитке, – только это может сделать глобализацию благом... (С пленума Союза писателей России, 18.02.03); «Сокращение воровства на двадцать процентов». Сокращение воровства должно стать модным, чем-то похожим на то, как американцы бросают курить. «В этом квартале я сократил на двенадцать процентов!» – «А я уже на пятнадцать!» И президент особо отличившимся вешает на грудь орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (Русская мысль, 2-8.02.06); Если мы хотим победить, наш проект новой России должен опираться на прочный фундамент научной «утопии». (Завтра, 27.09.06).

Слишком много факторов как внутренних, так и внешних не позволяют сколько-нибудь обоснованно прогнозировать будущее. Вместе с тем дискуссии российских политиков, журналистов и обществоведов убеждают в том, что мы сохраняем веру в устойчивые и благоприятные социальные изменения в России, в социальные трансформации, опирающиеся на динамичную экономику, демократические институты и достаточно интегрированное общество, веру в лучшее будущее.

В рамках создания образа «светлого будущего» особенно активны пространственные метафоры, предлагающие возможности для «прыжков», «скачков» и «крупных достижений»: Россия готова к новому рывку (Завтра, 04.01.00); Мы выступаем за то, чтобы сделать период до 2010 года крупным прорывом в области смягчения национальных противоречий (Великая Россия Евразийский Союз (2003)).

Однако позитивно окрашенные концептуальные метафорические единицы чередуются с негативными образами, в которых будущее представляется «колониализованным», где Россия как самостоятельное государство утратила перспективу развития: принципиальные черты и тенденции «мрачного настоящего» эволюцио-

нируют и становятся «ужасным будущим». В этом случае неизбежно возникают зависимость, колониальный вариант, деградация: Народ просто перестанет существовать – распадется, будет покорен или поглощен более «целестремленными» соседями (Завтра, 02.11.96); следующая «революция» будет совершена на американские доллары, а Конституция колониальной России XXI века написана, естественно, по Джефферсону... (Завтра, 01.06.99); Запад и капиталистический мир приговорил наш народ и наше государство к несуществованию. Это безотзывный приговор, вынесенный циничным и расчетливым, но вместе с тем крайне жестоким и прагматичным геополитическим противником Евразии, сумевшим воспользоваться нашими внутренними болезненными процессами. ... мы – никто, мы – обреченный этнос, мы – культура и форма, народ и этика, у которых насильственно отнято будущее. Мы переживаем «духовную Хиросиму», и ждать последней серии финальных аккордов осталось совсем недолго (Лимонка №83).

Наша страна, по-видимому, находится в точке слома тенденции и выбора между разными сценариями грядущего: Россия всегда была и будет проектом другого мира, проектом альтернативной глобализации. Какой? Решать вам (Среда, нояб. 2006); Либо трудное очищение, либо окончательное утопание в болоте измены, прикрываемой псевдопатриотической демагогией. Третьего не дано (Лимонка №83); Вот стоит выбор перед Русью: либо погибнуть во тьме язычества или другой веры, либо расцвести под сенью истинного Богопознания (<http://www.rus-sky.org>); Хочет ли она выбрать свою сущность, а значит и историческое будущее, или же она подчинится сущности врага и уйдет в историческое небытие (Лимонка №73).

В российском общественном сознании палитра мнений относительно перспектив развития страны достаточно разнородна. События можно пустить либо по одному варианту, либо по другому. Спрашивается: по какому? «Число возможных Реальностей бесконечно велико. И у каждой Реальности существует бесчисленное множество вариаций» [Азимов 1966: 147]. Можно оптимистично сказать: «Вперед к победе коммунизма / капитализма / социализма / любого другого «изма!» Можно пессимистично твердить о конце света. Политические и социальные группы нашли для себя различные, удобные им объяснительные модели. Каждая партия разрабатывает «свою жилу», но целостной картины будущего нет. Поэтому анализ и обсуждение проблем будущего очень важны, т.к. поиск лучшего решения среди взаимоисключающих вариантов в этой ситуации – это проблема не только политических лидеров. О ней должны думать все, кому дорого будущее России: «перед теми, кого не устраивает нынешняя жизнь и перспективы ее развития в представлении “сильных мира сего”, стоит задача искать, возвращать, собирать воедино все основы нового мира, пока существующие в виде отдельных зачаточных элементов в недрах мира нынешнего» (Общество будущего, 23.09.06).

Грядущее. ГДЕ оно и КОГДА оно наступит

пит? Темпоральная модель [Evans 2004: 25] мира политики, как и любого другого мира, включает в себя: «а) одновременность событий, б) события «прежде», или предшествующие события, в) события «после», или последующие события, г) изменение событий во времени по отношению к другим событиям». Любое событие составляет перспективу, где время конституируется как непрерывность и необратимость движения прошлого, настоящего и будущего как единого целого. Оно осмысливается как единство благодаря тому, что временные горизонты любого настоящего, т.е. прошлое и будущее, обязательно пересекаются (Аристотель, 1981; Аскин, 1966; Кузанский, 1979; Лосский, 1995; Подольный, 1989; Рассел, 2004; Тихонов, 2004; Трубников, 1987; Филиппов, 2004; Ясперс, 1991). Т.к. «будущее создается настоящим и лежит через прошлое, может возникнуть из того, что, казалось бы, осталось далеко позади» [Judge 2001a], возвращение к истокам мыслится как движение к будущему: «памятью своей человек, как челнок, возвращается мыслью в прошлое, во внутренний мир своих воспоминаний, одновременно заглядывая в будущее и планируя события» [Тиунова 2000: 49].

Предполагается что будущее где-то «впереди», «за горизонтом». «Движение вперед» – это то, чего мы ждем от будущего, поскольку оно предполагает, что мы продвигаемся к цели или, по крайней мере, стоим перед воротами потенциальных перемен к лучшему: *Мы уже понимаем, что у России есть путь, который уже прописан. Осталось лишь вымостить этот путь, обиходить, построить кюветы, провести коммуникации – и идти вперед* (Завтра, 19.06.01); *«Пятая Империя» – хрупкий отрок с тоненькой шейкой, в косоворотке, как отрок Варфоломей на картинах Нестерова. Стоит босичком на сырой траве под черными тучами мира, в которых клубятся молнии, падают горящие самолеты, взрываются кварталы Бейрута, сотрясаются континенты. Куда пойти? Где снискать благодать?* (Завтра, 09.08.06).

Россия не может существовать как государство без цели, бредущее невесть куда. Для русского человека неизбежна надежда на то, что в дороге бытия откроется нечто новое, более совершенное и истинное. Метафоры «пути» все время зовут в будущее, обещают достижение некоего рубежа. Имея в виду перспективу, такие метафоры вселяют надежду на «светлое будущее», именно поэтому они активно употребляются в программных документах политических партий: *На выборы Политическая партия «Единая Россия» идет с четкой программой действий* («Единая Россия»(2003)); *Именно такая политика даст России шанс встать на путь устойчивого экономического роста и демократического развития* (СПС (2003)); *Партия социальной справедливости поддерживает переход российского общества к устойчивому экономическому развитию по пути социальной справедливости* (ПСС (2003)); *Сегодня у нас только одна дорога вперед. Это дорога к Социализму. Дорога к восстановлению Советской власти. Дорога к возрождению Союзного государства* (КПРФ (2003)).

Дорога обещает постепенное приближение к

цели, блеснувшей вдали. В идеальном будущем – с точки зрения русского менталитета – «видится средоточие всего лучшего, что было в прошлом и настоящем; в нем чудится и воздаяние, и воскресение» [Сухина 2005: 148]. Подобные метафоры наталкивают на линейное понимание времени.

В этом смысле общество представляется «паровозом, который летит в будущее», где будущее только прямо по курсу, даже если на железнодорожном пути есть другие ветки: *Сворачивать с магистрального пути – только кровь попусту лить. И никому уже не важно, что этот магистральный путь ведет наш локомотив на кладбище паровозов. Там нам и место* (Собеседник, 21.10.03).

С другой стороны, наше будущее очень часто лежит через прошлое, может возникнуть из того, что, казалось, осталось позади. Отталкиваясь от видений и понимания прошлого, можно ярче и глубже понять настоящее и перекинуть мост предвидения в будущее: *Россия набирает силы для своего нового исторического шага. Будущее России – в корнях ее истории, в социализме, в общинной логике развития* (geopolitika.narod.ru, 23.10.05).

Правильное решение политической задачи требует знания методов, лучших путей ее решения, обращения к истории всего человечества и к истории государства, упомянутого в задаче. Поэтому перед прыжком в будущее носители нового мироощущения неизбежно отступают подальше в минувшее, выбирая траекторию для разбега: *На заре своей истории мы создали цветущее государство – Землю Русскую, которая была «ведома и слышима всеми концы земли»... Мы прошли через века тяжких испытаний. Победили нашествие кочевников, «бесчисленных, как морской песок и степной ковыль». Отстояли свою независимость в Смутное время. Построили и сохранили вплоть до конца XX века великую державу, которая являлась формой бытия российских народов, мощным заслоном от угроз извне. Русские! Неисчислимы испытания и муки, взлеты и падения выпали на нашу долю в XX веке. Первая мировая война, Февральский переворот и Великая Октябрьская социалистическая революция. Разруха и голод, иностранная интервенция и Гражданская война. Коллективизация и голод начала 30-х годов, репрессии. Великая Отечественная война, возрождение державы и прорыв в космос. Губительная перестройка, удушающие простых людей либерально-демократические «реформы». В мире нет такого народа, который вынес столько трудностей и лишений в столь сжатое историческое время. Мы вынесли! (Дуэль, 14.10.03).*

Забота о будущем, как и уважение прошлого, напрямую связаны с духовностью и нравственностью народа, поскольку без собственной уникальной истории у нации не может быть и собственного будущего. Национальная культура, национальная память позволяют народу ощутить связь времен и поколений, получить духовную поддержку из прошлого и жизненную опору для настоящего и будущего. Вот почему мифы о прошлом часто наслаиваются

на футурологические размышления о будущем: с одной стороны, чтобы не потерять перспективу, необходимо помнить о былом, о ретроспективе; с другой – исторические напоминания заставляют постоянно задумываться о будущем. Те, кто считает историческое наследие и динамику культуры «бессмысленными академическими рассуждениями», обречены на непонимание происходящего и лишены возможности видеть и прогнозировать будущее.

Однако многих политиков и журналистов современности прошлое интересует больше как строительный материал для некой «виртуальной России». В этом видится попытка клонировать разные исторические периоды России с целью «хорошо пожить» в них.

Одни пытаются «жить» в рафинированном самодержавии: *В прошлом веке граф Уваров сказал об этом просто и ясно: «Православие, Самодержавие и Народность». Это государственность, это власть, которая народом осознается как своя власть, поскольку она будет отражать веру народа в добро и справедливость, чего никогда не даст власть республиканская. На практике это означает, что единственная власть органично присущая России – это Православная Самодержавная Монархия. Вот тогда можно будет сказать, что над Россией воссиял Крест и что Господь помиловал и воскресил Россию* (www.patriotica.ru, июль-август 1995); *Монархический строй, выражение высшей степени политического здоровья, непременно требует своего дополнения в таком же здоровом общественном социальном строе, расслоенном на множество взаимно охватывающих групп, живых, сильных, производящих своей жизненной работой необходимую сортировку личностей в разных степенях управления и подчинения* (Московские ведомости №298).

В настоящий момент появляется все больше людей, способных и желающих строить такое будущее. Этатизм – культ государства и порядка, культ «сильной руки» [Шаова 2005: 36] – свойственен русскому характеру, поэтому «даже века рабства и насилия не уничтожали веры в царя» [Абульханова 1999: 10], в доброго и справедливого правителя, который сыграет в судьбе России решающую роль: *Барин строг, но справедлив: сперва прикажет выпороть на конюшне – но затем простит и подарит рубль* (Новая газета, 13.10.03).

Вероятно, использование монархических метафор можно объяснить тоской уставшего от потрясений и политических перетрубаций народа по подобной монарху политической фигуре как объединительном начале нации. С другой стороны, трепет и преклонение перед властью легко переходят в отчуждение от власти, страх перед нею, в крайние формы протеста, ненависть к ее конкретным носителям и представителям: *Я считаю, что эта тема – «страна рабов, страна господ» – эта тема очень важна для понимания того, куда должна идти Россия. Сейчас власть пытается закрутить гайки, построить журналистов, построить губернаторов, построить депутатов, пытается построить общество. И самое главное в том, что многие с охотой стро-*

ятся, с подбострастием даже, с восторгом. Дело в том, что это рабство, которое не изжито в каждом из нас, оно просто наружу лезет. Генетический страх и ужас настолько в нас утвердились, что даже трудно поверить, что чувство собственного достоинства, присущее свободному человеку может взять верх (Борис Немцов. Персональный сайт).

Другие политики хотят найти в советской эпохе аргументы для своих современных представлений и как альтернативу «ужасному настоящему» предлагают не «светлое будущее», а «прекрасное прошлое», направляя страну на путь ретроспекции, на путь утопии, обращенной в прошлое: *Сегодня для молодых людей легенда о Советском Союзе – это мечта о Будущем, это Русская Мечта о новом творении, новом человеке, о новом небе и новой земле* (Завтра, 21.03.00); *Нынешний, т. н. демократический, режим, есть не прорыв в будущее, а возврат к восьмидесятилетнему прошлому – к февралю 17-го года, с его свержением исторической монархии, либерально-демократическими лозунгами и анархией, развалом Империи и армии, подчинением Западу. ... Мы отброшены в прошлое, из которого советский период русской истории смотрится как будущее, как земля обетованная* (Завтра, 31.03.98).

Безусловно, «сходство с прошлым облегчает созерцание будущего» (Н. О. Лосский). Но то, что ушло далеко в прошлое, не может быть «воссоздано» вновь: *Нельзя быть одновременно преемниками и царского самодержавия, и демократической республики, и советского коммунизма* (Известия, 23.01.07); *Не может быть успешной страна, власть которой играет засаленными картами позавчерашнего дня* (<http://www.svobodanews.ru>).

Пройденные жизненные этапы с их успехами и достижениями, утраченными иллюзиями и несостоявшимися возможностями остались безвозвратно позади. Поэтому, на наш взгляд, переустройство общественно-политического мира должно базироваться не на прошлом, а на абсолютных ценностях, сопрягающихся с будущим. Политикам современности следует смотреть не назад, а вперед. Не зря говорят, что ностальгия обычно настигает тех, кто лишен надежды на будущее. Ретроспективный взгляд предполагает критическую оценку значимости того или иного исторического наследия, извлечение из-под спуда времен тех положений, которые послужат ферментом дерзкого теоретического прорыва в грядущее.

Люди с апокалипсическим видением мира либо осторожны, либо пессимистичны в разговорах о будущем любой дальности. Они полагают, что мир прекратит существовать в течение относительно короткого периода: *Разверзлась пасть дракона, из нее высунулось жало и вонзилось в Россию. Но потом пасть опять сомкнулась, жало спряталось, боль от укула постепенно проходит. И так хочется обо всем забыть! (Завтра, 28.04.98); У России нет места в будущем. Нам в нем отказано. Наше время считается завершенным. В будущем нам гарантирована ночь исторического небытия* (Завтра, 04.01.00).

«Если я буду говорить людям то, что знаю,

они не захотят жить», – сказала однажды Ванга. Так, может быть, чтобы не испытывать судьбу, не следует интересоваться тем, что нас ожидает? Возможно, природа поступает разумно, скрывая от нас наше будущее? В этом случае будущее ограничивается только моментом настоящего времени «здесь и сейчас». Оно «не является движением назад, оно далеко от настоящего, и вместе с тем, это проникновение вглубь настоящего» [Young 1978: 101]. Когда будущего нет, именно настоящее предоставляет единственную и неповторимую возможность полноты сегодняшнего дня: Ревущие от интеллектуального перенапряжения стадионы, ошалевшие от децибелов диско-клубы, шастанье по улицам древнегреческого и древнеримского охлоса? А если по улицам таскаться невозможно, то бесконечные сериалы и телеконкурсы с крестинами-участниками и паяцами-исполнителями вполне удовлетворяют нищую реань – нынешний охлос современной России... Бесконечные презентации, саммиты, топ-шоу и прочая политико-эстрадная мерзость – вот уровень их духовных и культурных запросов, от которых пахнет серой и подземельной гнилью. ... Рулетка, стриптиз, ночные клубы для однополовых политиков, финансистов и кутюрье, садомазохистские представления для пресыщенных – чем угодно можно расслабиться, развеселиться уставшим от политического предательства и экономического грабежа хозяевам жизни (Завтра, 09.12.97).

Вследствие размывания ценностных и мотивационных ориентаций народ теряет способность формулировать свои интересы. Подобные мысли не диссонируют с пожеланиями обычных людей «пожить жизнью развеселой» здесь и сейчас, и будь что будет, парализуя волю к сопротивлению и возможность реально оценивать все происходящее вокруг.

Еще блаженный Августин говорил о том, что «только через напряжение действия будущее (потребное) может стать настоящим. Без напряжения действия будущее навсегда останется там, где оно есть» [Августин 1992]. Нельзя жить лишь сегодняшним днем. Современный мир сложен, события в нем разворачиваются в гигантском интервале пространственных и временных масштабов. И чтобы разобраться в нем, полезно строить другие миры, причудливые, необычные, парадоксальные. Политическая метафора – одно из средств широкого спектра приемов и доктрин, генерирующих подобные миры, где через уникальное и единичное удается постичь всеобщее, где гипербола и гротеск позволяют увидеть нечто важное и необычное. «Представить образ будущего – значит сделать прогноз, предсказать, к какой точке в воображаемом пространстве будущего будет тянуться ход событий от настоящего момента. Но предсказание, а тем более пророчество, не безучастно к будущему, оно его конструирует. Оно подталкивает ход событий к предсказанному образу» [Кара-Мурза 2005].

Метафоры, подразумевающие, что будущее

находится где-то «впереди», касаются дискуссий о природе прогресса. В этом смысле будущее представляет собой некую более позднюю календарную дату. Однако существует множество философских трактовок времени [Fraser 1981]. В некоторых из них будущее связано не с линейным осознанием времени как прошлого-настоящего-будущего, а с его циклическим пониманием. Последнее может оказаться более «совместимым с экономическими и социальными циклами общества» [Mallmann 1991: 13]. Подобная интерпретация времени подразумевает, что будущее – это еще один, и только в идеале – более высокий виток спирали: ... Махнув назад в будущее по витку спирали длиной в 15 лет, мы вновь оказались в системе координат «одна партия – один генсек»... (Новая газета, 26.10.2004).

Будущее вездесуще. Оно во вчерашнем дне и в дне сегодняшнем, оно есть следующий виток спирали и мысль, простирающаяся за горизонт очевидного, которая бестрепетно зовет идти вперед. Метафоры, сквозь призму которых мы видим будущее – ключ к новому отношению и восприятию самого будущего.

Строители грядущего. КТО они? Люди часто воспринимают будущее через метафоры, которые сосредоточены вокруг архитипов. В позитивном ключе – это воскресший и вернувшийся на землю Христос, Будда, следующий Имам: Нас по-прежнему, как и четыреста лет назад, все еще ждет покорение Сибири и основание Рая, будь то Новый Иерусалим или коммунистический Город-Сад, чтобы на Земле было куда вернуться Господу Богу (Завтра, 04.01.00).

В негативном – Сатана или Антихрист: Мы – свидетели апокалипсиса. Нам дано обличать зверя, кидать ему в лицо пламенный укор. Сгинь, собака! Сгинь, лжец! Яко исчезает воск... Сгинь, гадина! ...; То, что в отдаленном будущем придет время научно-технологического «Антихриста», всегда ощущалось в творениях истинно русских мыслителей, будь то писатели, философы, художники или поэты (Завтра, 04.01.00).

В политике будущее очень часто ассоциируется с именем одного человека, с которым связывают надежды на будущее, именно он и является центром и сосредоточием ожиданий на прогрессивные преобразования: Для того, чтобы возврат к избираемому правлению стал реальностью, нужна именно общенациональная фигура, вызывающая минимум аллергии у народа, причем фигура, которая не связана с грабительской монетизацией, опереточной вертикалью и прочими реалиями сегодняшних дней (Prognosi.ru, 19.08.05).

В период массового разочарования результатами деятельности власти в образе лидера будущего привлекает способность «навести порядок», «восстановить поруганную честь Отечества», готовность к чрезвычайным мерам: Всевозможные культурные изыски НБП – это мощно! Это новая, убийственная идеология, за которой будущее! Эдуард Лимонов – гений и вождь! (Лимонка №45).

Принцип «вождизма» всегда был присущ русскому национальному сознанию. Потребность народа в вожде как в символе единства

нации особенно возрастает в периоды национальной нестабильности. При этом авторитет вождя зиждется не на осознанном доверии: связь вождя с массами носит скорее харизматический, личностный характер.

Грядущее может быть также сосредоточено в группе людей, поскольку политическое будущее любой страны зависит от групп, партий и движений, стремящихся во власть: Правая идеология подразумевает наличие дисциплинированного и профессионального государственного аппарата, однако четко определяет его место – мотор экономики это бизнес, бюрократия – тормоза. Никто не сядет в машину без тормозов, но машина со слабым двигателем никогда не победит в той гонке на выживание, в которую превратилась международная конкуренция (Правое будущее, 26.06.06); Будущее СПС, будущее России – в наших руках (Газета.ру, 11.04.01); Путин ясно дал понять, что за СЕПРОм (Независимая газета, 15.01.07).

На полюсах «за» и «против» у разных политиков, как правило, находятся одни и те же проблемы, затрагиваются сходные аспекты, несмотря на принадлежность к различным партиям, на различную идеологическую основу. Оппозиционный политик рисует образ «мрачного настоящего» и «лучшего будущего», уготованного народу в случае смены власти. Правящая партия, акцентируя свои достижения и сравнивая их со «страшным прошлым», говорит о «светлом настоящем» и обещает еще более «прекрасное будущее»: Сегодняшний выбор гораздо важнее: у граждан России появился реальный шанс выбрать успешное будущее для себя и для всей страны... Таковы ближайшие вехи нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках! Сделаем 7 декабря шаг к этому («Единая Россия» (2003)); ... Один путь ведет в сторону развития демократии и рынка, формирования открытой политической системы и инновационной экономики, экономики знаний, т.е. к демократическому рынку. Другой – к полицейско-бюрократическому капитализму, где основной и монопольный игрок на рынке – государство, институты демократии декоративны, демократические процедуры не работают, а лишь имитируются. И «Союз Правых Сил» готов исполнить свою историческую миссию – удержать Россию на столбовой дорожке цивилизации. Мы должны защитить демократические завоевания прошлого. И тем самым защитить будущее России (СПС (2003)).

В программных документах все политики выступают за хорошую зарплату, пенсию, профессиональную армию, реформы, против высоких налогов, повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги, коррупции, стремясь объять все предполагаемые преобразования некоторым конечным списком задач, гарантирующим «светлое будущее» в случае прихода к власти их партии. Практическая реализация этих целей в идеале кажется задачей чрезвычайно сложной и почти неосуществимой. Но движение к прогрессу и есть стремление к достижению сложного, порой кажущегося неосуществимым стремления к совершенству.

Грядущее. КАК это будет? Будущее часто понимается в терминах того, чем оно вызвано и как достигнуто. Особенно активны в процессе создания образа будущего метафоры строительства, которые «создают» будущее. Причины особой значимости рассматриваемой метафоры именно в рамках данного образа кроются, скорее всего, в том, что концепт строительства ассоциативно связан с позитивными преобразованиями: Фундамент предлагаемой нами политики – возрождение нашей духовности и державности (программа НРПП); «Наши усилия будут направлены на аккуратный, но настойчивый и жесткий демонтаж той системы периферийного капитализма, который сложился в России. Пока это еще не поздно», – заявил Явлинский (Газета, 06.09.03).

Отметим, что зачастую высказывания, иллюстрирующие использование метафоры «строительства», связываются с началом застройки – расчисткой завалов, закладкой фундамента, а не с возведением стен. Автор метафоры «строительства» приходит на разрушенное место, пустырь, руины, поэтому его обещания о потенциальном вкладе в возведение нового здания звучат более внушительно [Миროнова 2003: 100]. С одной стороны, в процессе создания картины «светлого будущего» актуализируются концепты стабильности, безопасности, реанимирования былых достижений, с другой – использование данной метафоры позволяет политику уйти от необходимости называть своими именами планируемые мероприятия, за которые придется отвечать, которые нужно будет реализовывать: Если мы хотим построить новое Славянское здание, то нам необходимо составить план этого строительства. При строительстве любого здания сначала закладывается фундамент, после возводятся стены (это несущая конструкция) и в конце делается крыша, которая предохраняет здание от воздействий окружающей среды. Что же может служить фундаментом нового государственного здания? ... У нынешнего демократического режима фундамента нет. Так почему же эта власть держится? ... Но это не фундамент государственного здания – это костыли, чтобы не упасть. И простоять такое здание долго не сможет. Дальше мы должны решить из какого материала будут возводиться стены Славянской империи. Ответ более чем очевиден. Нет у нас другой «несущей конструкции», кроме славян, которые и будут строителями государственного здания и ее государствообразующей нацией. Крыша здания предохраняет несущую конструкцию от воздействия окружающей среды. ... Ну а нынешнее, демократическое здание, построенное без всяких правил, долго простоять не сможет и обязательно с позором рухнет, похоронив под обломками своих строителей (Народная партия возрождения России (2003)).

Поскольку строительство – это всегда надежда на лучшее будущее, прогнозирование дальнейшего развития событий окрашено преимущественно позитивно. При создании «светлого будущего» активно эксплуатируется образ «страны», «народа», который нуждается в уважении и достоин счастливой жизни. Народ ста-

новится объектом, о котором будет проявлена забота и в чьих интересах будет действовать правительство: То, что русский народ, чей боевой дух, казалось, уничтожен, как Хиросима, десятилетиями пацифистской пропаганды, породил героев-работодателей, доказывает, что есть у России будущее (Лимонка №82); Знать себя русским надо, слышать в себе Родину, особенно сейчас, в пору ее тяжелой болезни и общего свиста ей вслед – надо, любить свой народ в несчастье – надо, имя свое именовать достойно и во всеуслышание – надо (Завтра, 15.12.03).

Человечество не может существовать в статичном мире: совершенствуя себя, оно качественно изменяет мир, в котором живет. Этот путь к совершенству и новым возможностям нередко отмечен противоборством, подчас грозящим уничтожением государств и цивилизаций. Именно поэтому вполне закономерны ожидания того, что некоторые представители сообщества станут «жертвами» будущего, при условии, что предполагаемые перемены повлекут за собой определенные «неудобства»: ... Если уж русские пережили трагедию Буденновска, у них большое будущее невозмутимых жертв (Лимонка №45); Что дальше? Ждем? Чего? Я спрашиваю – чего?!! Американской оккупационной администрации? Исламского Чингизхана? Немецкого штурмбанфюрера, доделывающего план «Ост»? ... Махновщины с ядерными штыками наперевес? В эпоху Брежнева (или Александра III) можно было фантазировать на следующую тему: «Сейчас дерутся грязные дяди! Мы отодвинемся, останемся чистыми! Грязь схлынет! Придет адекватная власть, и тогда уж вместе с нею мы всерьез поработаем!» Придет, придет! С могильными червями вы поработаете! Под шутки гамлетовских могильщиков (Росбалт, 22.09.06).

Никто не может дать гарантий, что все в конце концов будет хорошо, но и делать из происходящего непрерывную трагедию тоже не стоит. Государственный организм сродни человеческому. Утратив способность мечтать, он обрекает себя на бессмысленность. «Выбор образа будущего – «молекулярный» процесс в сознании всего народа. Политики и пророки лишь чуть-чуть подталкивают этот процесс в ту или иную сторону» [Кара-Мурза, 2005]. Следовательно, истинным строителям будущего следует наполнить смыслом и содержанием собственные действия, т.е. сконструировать, спроектировать желательное будущее и постараться его осуществить.

Грядущее. Будет ли оно? Вышеперечисленные варианты предполагают, что образ будущего – это ответы на вопросы. Для одних – это лишь появление новых вопросов, которые наполняют будущее содержанием и делают его приемлемым: От того, что произойдет с Россией, зависит куда пойдет история: либо полный и окончательный крах всякого протеста, торжество корпоративной олигархии и реализация элитарного проекта «вечного фараона», либо... вот тут-то и начинаются вопросы (Завтра, 18.11.03).

У других, возможно, возникает вопрос, заслуживает ли наша страна и человечество в

целом будущее: Пока общество, переживающее вот уже несколько лет перманентную психотравму, не способно подняться до уровня непальских приматов, оно загипнотизировано системой, временно мертво (Лимонка №56); Вопрос о власти сегодня соотносится с вопросом о том, какое будущее ждет нашу страну и, более того, – есть ли у нее будущее (Завтра, 30.03.99).

Для третьих они кажутся слишком радикальными. Из-за быстрого накопления проблем и отсутствия их потенциального решения складывается ощущение, что будущего нет и быть не может. Любой шаг не только открывает новые возможности, но и создает новые проблемы: Никто из ученых-футурологов не берется заглядывать в глубины третьего тысячелетия в надежде увидеть там человека в его теперешнем облике. Мало того: и в конце XXI века мы боимся заглянуть – там мрак, непохожесть и неподобие, иная планета и иные земляне. Изменения ныне совершаются столь стремительно и энергия этих изменений вобрала такую массу, что аналогии с прошлым, к которым все еще продолжают прибегать в утешительных прогнозах, как правило, не годятся, а надежды на благополучные перемены в будущем сравнимы с расчетом на искусство каскадеров, которым в последний момент удастся выбраться из обрушивающейся лавины, опередить ее падение и подставить спасительное плечо (Завтра, 04.01.99); В психиатрии есть такой диагноз – «нравственный идиотизм». ... Сходите в театр на оперу Альфреда Шнитке «Жизнь с идиотом». ... А вернувшись из театра, откройте новый роман Владимира Сорокина «День опричника». Это о путинской России-2006, уже несущей в чреве сорокинскую Россию-2027 (Грани.ru, 11.10.06); В этом тезисе – «у России нет будущего в мировой цивилизации» – заложен более глубокий и более зловещий, более объективный, если угодно, смысл (Завтра, 04.01.00).

Нет образа будущего, значит, нет и самого будущего. «Отсутствие образа будущего обрекает на бессмысленность и людей, и общества, и страны, и цивилизации. Те антропоструктуры, которые теряют образ будущего, теряют желание жить и погибают. Либо – сами по себе, либо под ударами жизнеспособных и развивающихся соседей» [Осипов 2005]. Описание будущего может подчеркивать фаталистические и кармические аспекты, понятие судьбы и предопределения: ... Русские идут в небытие. Ради чего? (Завтра, 14.10.97); Большинство русского населения убеждено в торжестве зла и не представляет иной возможности. ... Вот она мечта дьявола, чтобы люди верили в его могущество, его торжество. Он и торжествует, потому что мы верим в такую возможность (www.rus-sky.org).

Выбор метафор, посредством которых представляется будущее в политическом дискурсе – театр возможностей, интенций и предпочтений, ключ к установлению закономерностей развития общества, логическое продолжение и развертывание настоящего и прошедшего. Грядущее есть неоднозначная параллельная реальность. Часто именно метафоры помогают постичь его безбрежность: у каждого момента есть не одно будущее, а целый конти-

нуум будущих моментов; и наш выбор влияет на вероятность того, какой из моментов случится. Человек всегда становится перед выбором, и от этого зависит его собственная судьба и в какой-то мере судьба человечества. Задача российского политического класса и общественного мнения в целом состоит не в том, чтобы верно «предсказать» будущее, а в том, чтобы сконструировать, спланировать и воплотить, в том, чтобы прорабатывать приоритеты дальнейшего развития. Политическим лидерам, на наш взгляд, не следует забывать, что в человеке, коль скоро он – мыслящее существо, – заложено врожденное стремление к улучшению своей жизни. И поэтому им следует уделять внимание пропаганде и конструированию привлекательного общества грядущего, позитивному образу, пленительной мечте, которая поднимет миллионы на его воплощение в жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин Аврелий. Исповедь. – М., 1992.
- Абульханова К. А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 5. – С. 5–14.
- Азимов. А. Конец вечности. БСФ, Том 9. М.: МГ, 1966.
- Артемova Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действительности / пер. с франц. А. Бикбокова // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 30–41.
- Даулетова В. А. Вербальные средства создания аутоимиджа в политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
- Иваненко А. Искушение террором // <http://old.russ.ru/politics/20020115-iv-pr.html>, 2002.
- Кара-Мурза С. Г. Будущее России: мнение Кара-Мурзы // Полит.ру, 2005.
- Левада Ю. Перспективы человека: предпосылки понимания. – М., 2001.
- Миронова П. О. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003.
- Осипов В. Будущее сегодня // Сообщение. – 2005. – № 4. – С. 10–15.
- Плеханов Г. В. Идеология мещанина нашего времени // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. 5. – МЛ, 1958.
- Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. – Екатеринбург, 2004.
- Сухина Е. И. Три ипостаси времени: прошлое, настоящее, будущее – в современном русском самосознании // Вестник МГУ. Сер. 19. – 2005. – № 1.
- Тиунова С. П. Типы пределов беспредельных миров человека культуры // Mentalitat. Konzept. Gender. – Landau, 2000. – С. 46–51.
- Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003а.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2003б.
- Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с русскими): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Шафаревич И. Есть ли у России будущее? – М., 1991.
- Шафаревич И. Будущее России // <http://www.moskvam.ru/2005/04/shafarevich.htm>
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997.
- Ядов В. А. Российское общество в политеоретической

интерпретации // Социологические чтения. Вып.1 / Ин-т «Открытое общество»; ИС РАН; Британский социол. клуб в Москве, М., 1996.

Anderson, R. Encouraging Democratic Participation in Russia: Pragmatic Ambiguity and Identification with Political Speakers) // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/modcautx.htm>.

Edelman, M. J. Constructing the Political Spectacle. – Chicago, 1988.

Fraser, J. T. Voices of Time; a cooperative survey of man's views of time as expressed by the sciences and the humanities. – Amherst, 1981.

Graber, D. Political Languages // Handbook of Political Communication. – London, 1981.

Judge, A. Future coping strategies beyond the constraints of proprietary metaphors // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/coping.php>, 1992.

Judge, A. Presenting the Future (Part 1): Presentation and Representatives // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>, 2001a.

Judge, A. Presenting the Future (Part 2): Making (the) Present and Thriving in the Moment // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>, 2001b.

Judge, A. Presenting the Future (Part 5): Present Moment Research: exploration of nowness // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>, 2001.

Kelling, G. L. Crime and Metaphor: Toward a New Concept of Policing // <http://www.city-journal.org/article01.php?aid=1577>.

Kennedy, V. Intended Tropes and Unintended Metatropes in Reporting on the War in Kosovo // <http://www.usis.it/wireless/wf981006/98100601.htm>, 2000.

Lakoff, G. Framing the Dems: How Conservatives Control Political Debate and How Progressives can Take it Back // <http://www.prospect.org/web/page.wv?section=root&name=ViewPrint&articleId=6862>.

Mallmann, C. Societal rhythms, generations, and psycho-motivational tempos. Paper for the Club of Rome Conference. – Punta del Este, 1991.

© Солопова О.А., 2007

Шустрова Е. В.
Екатеринбург, Россия

ОТЗВУКИ ПОЛИТИКИ В АФРОАМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЖАНРЕ

Abstract

The aim of the article is to show how political events and discourse of the whole society may result in the appearance of some certain features as far as individual style is concerned. In particular, the author traces linguistic means that are found in prose and verse by Maya Angelou when she comes to use such conceptual domain metaphors as “arms / war / warrior”, “means & symbols of authority”, “prison and chains”.

Влияние политической жизни страны не может не найти отражения в литературном дискурсе, особенно если писатель проявляет живой интерес к политике, пытается повлиять на развитие событий, лично участвуя в митингах, демонстрациях, акциях сопротивления, издании специализированной литературы. Одной из таких активных фигур в политической жизни США несомненно стала М. Анджело – женщина, которая одновременно создавала и прекрасные литературные произведения, единственная поэтесса, удостоенная чести выступить со стихотворным обращением на инаугурации Билла Клинтона в январе 1993 г. Следует отметить, что и на агитационный и на литературный дискурс М. Анджело несомненно повлияла ее принадлежность к афроамериканской диаспоре. В